УДК 323.1

К ВОПРОСУ О СВЯЗИ МЕЖДУ ТРУДОВОЙ И ПОЛИТИЧЕСКОЙ МОТИВАЦИЕЙ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Лазутина Антонина Леонардовна,
Нижегородский государственный педагогический университет им. Козьмы Минина,
кандидат экономических наук, доцент,
г. Нижний Новгород, Россия.
E-mail: lal74@bk.ru

Леушкин Денис Вячеславович,
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского,
кандидат политических наук, доцент,
г. Нижний Новгород, Россия.
E-mail: dleush@rambler.ru

Полусмак Татьяна Львовна,
Нижегородский филиал Московского университета им. С.Ю. Витте,
кандидат юридических наук, доцент,
г. Нижний Новгород, Россия.
E-mail: polusmak.tat@yandex.ru

Симонов Алексей Леонидович,
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского,
кандидат исторических наук, доцент,
г. Нижний Новгород, Россия.
E-mail: alsimonov@gmail.com

Фоменков Артём Александрович,
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского,
кандидат исторических наук, доцент,
г. Нижний Новгород, Россия.
E-mail: artjom2310@mail.ru

Аннотация
В статье рассмотрен вопрос о связи между мотивациями поведения россиян в двух сферах – трудовой и политической. В основу нами положены представления о наличии двух доминант в сознании россиян – пассивно-традиционной и активно-инновационной, а также укоренившаяся в политической науке классификация политической культуры. Выявлены особенности связи между пассивно-традиционной доминантой сознания и подданической политической культурой, а также между активно-инновационной доминантой и культурой участия (партисипаторной культурой).

Ключевые понятия:
мотивация, политическая культура, доминанта, политические партии, голосование.

Масштабные реформы, начавшиеся два с небольшим десятилетия назад в ряде стран бывшего соцлагеря привели к разным результатам – от плачевных до вполне успешных. Надо согласиться, что «различия в социально-политическом развитии стран с низкоуровневой политической институционализацией политологами объясняются влиянием существующих культурных традиций, социально-психологических архетипов, инерции политического опыта и др.» [7, с. 154].

Относительно российской специфики следует указать, что трансформационные процессы, сопровождающиеся системными преобразованиями общественного устройства, актуализируют исследование социальных перемен, особенно в сфере трудовых отношений. Изменение таковых, формирование рынка труда, появление трудовых организаций, базирующихся на разных формах собственности, существенно повлияло на массовый наёмный труд, потребовало социальной реадаптации миллионов людей, основной социальный ресурс которых состоит в способности трудиться.

Следует отметить: наша статья не есть попытка дать исчерпывающий ответ на значимые вопросы, связанные с возможностями инновационного развития экономики современной России, наш текст, скорее, является попыткой постановки важной задачи. Последняя связана с авторской гипотезой о наличии связи между трудовой мотивацией и спецификой политической мотивации в условиях сегодняшней России. Опять же отметим, что итогом текста будет не столько выставление диагноза российскому социуму, сколько выявление отдельных закономерностей, причём с учётом, что в «каждом правиле есть исключения».

Иначе говоря, мы придерживаемся мнения, согласно которому индивид не всегда делает выбор исходя из соотношения: затраты/полученный результат, чаще наоборот, индивид вольно или невольно действует так, как это принято в социуме, причём не важно, основывается он на правовых или же иных регуляторах. То есть существенной части индивидов важно поступать в соответствии с тем, как это принято в обществе, а не отталкиваясь от того, как много материальных благ он получит в результате своих действий.

Второй постулат связан с неоднородностью общества в России. Конечно, не-

однородным является любое общество, однако российская неоднородность стала уже притчей во языках – не случайно используются в быту полусерьёзные варианты сочетания «Россия айфона» и «Россия шансона», «Россия Интернета» и «Россия телевизора», «Россия Хеннесси» и «Россия самогоннесси», «Москва» и «замкадье», и т.п. [13, с. 22]. Конечно же, такие определения ненаучны, но утверждать, что они совсем безосновательны, не стоит. Как известно, во Франции сложилась школа «электоральной геополитики» [6, с. 133–134], основанная как раз на наличии устойчивых политических симпатий у жителей тех или иных регионов. В России же актуальность таковой не вызывает сомнений, так как одна из основных типологий политических культур – типология по пространственному признаку. Российское политическое пространство прерывисто, неоднородно. Россия – это многоукладное («многосоставное» – по А. Лейпхарту) общество. Страна живёт в разных эпохах одновременно (от постиндустриальных очагов в столицах до регионов СКФО, где обыденная жизнь часть регулируется на основе адатов и шариата). Направленность политических процессов и скорость перемен в регионах серьёзно отличаются [1, с. 25].

Третий важный аспект связан со спецификой укоренившихся в стране представлений о «сильной руке» и о необходимости наличия сильного и заботящегося о населении государства. Подчеркнём, что таковые характерны не для всех россиян, но, во-первых, они являются скорее доминирующими, и, во-вторых, ряд исследователей считает, что такие представления соответствуют системе ценностей и национальному характеру россиян, в то время как иные модели – суть нечто наносное.

У части населения сохраняется патерналистское представление о государстве. Следствием этого является государствоцентричное представление о месте человека и страны в мире [14, с. 82]. В России государство традиционно воспринимается обществом «как становой хребет цивилизации, гарант целостности и существования общества, устроитель всей жизни» [16, с. 19]. Кроме того, характерна сакрализация верховной власти, восприятие лидера как «отца-благодетеля», «царя-батюшки» в сочетании с клиентелизмом, абсолютизацией роли личности, склонностью к авторитаризму. Исследователи отмечают, что в патерналистской иерархии центральной фигурой выступает «царь-батюшка». Безоговорочное и безусловное подчинение, подкрепляемое верой во всесилие, непорочность и мессианские масштабы личности вождя, характеризует его как разновидность подданнического типа политического поведения [16, с. 19]. Наличествует также идеализация справедливости в форме всеобщего равенства, неразвитость идеала либеральной свободы. Противовесом подданничеству должна выступать свобода, но русская культурная традиция почти не воспроизводит архетип свободы в её либеральном понимании [16, с. 19].

Четвёртым важнейшим фактором выступают общинность и коллективизм. Коллективизм всегда составлял одну из основ поведения россиян [16, с. 20]. Характерен и правовой нигилизм, проявляющийся, в том числе, и в фактическом пренебрежении россиянами собственными гражданскими правами, в т.ч. политическими [16, с. 21]. Важно ещё и то, что в современном российском обществе скорее слабовыраженным является стремление к индивидуальной успешности [18, с. 154–155; 20, с. 104].

Разумеется, вышеперечисленные особенности можно объяснить спецификой исторического прошлого, а конкретно тем обстоятельством, что в основе российской политической системы и политической культуры лежала специфическая конструкция, в которой, начиная со времён Ивана Грозного, властная корпорация претендует на роль монопольного субъекта социального управления, и, в случае осуществления модернизации, на роль единственного проводника инноваций. Все иные значимые социальные субъекты, последовательно «перемалываются», выбрасываются за борт актуальной политической реальности, т.е. целенаправленно лишаются своей субъектности и самодостаточности. В российских реалиях сильное патерналистское государство осознанно обрубает горизонтальные связи в обществе, замыкая все процессы «на себя» [15, с. 46]. И сегодня, как показывают исследования, проведённые в ряде регионов России в рамках проекта «Советский человек», имеются устойчивые массовые представления, играющие важную роль в поддержании коллективной идентичности, а именно – референции массовых запросов и базовых ориентаций (например, таких, что суммируются в наборе характеристик «государственного

патернализма», милитаризма, великодержавности) [5, с. 18].

Далее, с нашей точки зрения, следует отметить такое немаловажное для понимания заявленных нами выше проблем обстоятельство: на основе исследований, проведённых в ряде регионов страны в начале XXI века специалистами в области политической социологии было выявлено существование двух полюсных доминант сознания россиян. Первую они назвали пассивно-традиционной – она объединяет ориентации, установки, ценности, направленные на консервацию традиций и норм, в ней выражено общинное, коллективистское начало. Вторую они назвали активно-инновационной – она состоит из характеристик, связанных с изменениями, активностью, личностными и индивидуалистическими установками. Носители пассивно-традиционного типа сознания склонны к патернализму, большое значение они придают подчинению авторитетам [18, с. 154]. Первых примерно 55%, а вторых около 45%.

Первую доминанту можно признать связанной с русской православной этикой, так как отличительной чертой последней является наличие коллективистских ценностей, так как «русская модель хозяйственного развития принадлежала к общинному типу экономики» [21, с. 30]. Вторая доминанта связана с ценностями современного глобального общества.

Наиболее ярким и эффективным проявлением русской православной трудовой этики следует признать артельный способ производства. Под артелью понималось добровольное товарищество совершенно равноправных работников, призванных на основе взаимопомощи и взаимовыручки решать хозяйственные и производственные задачи [22, с. 29]. Мотивация трудовой деятельности в артелях строилась на теории С. Адамса: люди субъективно определяют отношение полученного вознаграждения к затраченным усилиям и соотносят его с вознаграждением других людей, выполняющих аналогичную работу. Основной вывод теории состоит в том, что пока люди не начнут считать, что они получают справедливое вознаграждение, они будут снижать интенсивность труда. Эффективность же мотивации оценивается работником не по определённой группе факторов, а системно, с учётом оценки вознаграждений, выданных другим работникам, работающим в аналогичном системном окружении [11, с. 12].

Нельзя не отметить и ещё один факт. В условиях ломки старых производственных отношений носитель патриархальных установок часто с трудом перестраивается к новым реалиям. Неслучайно для части сельской местности (например, есть данные по Новосибирской области – региону, считающемуся продвинутым, а не депрессивным) в России характерны апатия, снижение профессионализма, высокий уровень алкоголизма, нежелание работать [8, с. 195]. То есть в условиях, когда нет установок «сверху» на обязательность работы и нет тех, с кем надо работать вместе и на кого равняться (и в оплате труда тоже), носитель консервативной доминанты часто деградирует как работник по причине отсутствия мотивации к трудовой деятельности.

Впрочем, нельзя не признать, что переходное российское общество способствовало появлению представителей бизнес-сообщества, ориентированных на традиционные ценности. В сознании россиян этот образ противопоставляется фигуре «московского финансиста-космополита», проводника западных интересов, угнетателя малоимущих регионов [1, с. 28].

Также никак нельзя пройти мимо кажущегося некоторым парадоксального факта, что за либеральные партии (причём не леволибералов, но скорее за социал-дарвинистов) в России часто голосовали на выборах бедные молодые люди с нереализованными амбициями, проживавшие в мегаполисах [10, с. 129]. Но никакого противоречия, по нашему мнению, нет – молодёжь, пусть и не принадлежащая даже к среднему классу, обладает амбициями и, судя по своим политическим идеалам, стремлением достичь желаемого для себя результата, то есть они, несмотря на свою бедность, относятся к активно-инновационному типу и ориентированы на личную активность и индивидуалистические установки.

Признаем, что даже масштабная пропаганда новых ценностей и установок не привели к доминированию новой системы трудовой мотивации в российском социуме. Неслучайно получены данные на основе опросов во многих регионах страны (как относящихся к успешным, так и к депрессивным), что эйфория зарабатывания денег и использования открывшихся возможностей, характерная для первого «рыночного» тринадцатилетия, к настоящему времени начала сменяться осознанием того, что деньги – не главное [3, с. 288]. Иначе говоря, лишь для меньшей части на-

селения страны деньги являются по-настоящему значимым стимулом для трудовой активности.

Переходя непосредственно к политической проблематике, обозначим следующие значимые аспекты. Первый связан с тем, что носители упомянутых нами выше консервативных установок в основном концентрируются там же, где и проживает основной электорат власти и КПРФ. Так, исследователями ещё в начале 2000-х годов отмечалось, что электорат «Единства» практически равнозначен КПРФ по доле сельского населения [9, с. 29]. Кроме того, победу на выборах в первой половине 2000-х гг. принесла В.В. Путину не программа, а то, что, согласно общественному мнению, этот политик обладает реальной властью и может навести порядок в стране. Никакие положительные характеристики его оппонентов не смогли противостоять желанию порядка, связанного с властью и исходящему от неё. Когда уровень собственных возможностей граждан крайне низок, вмешательство государства представляется необходимым и даже единственным в глазах массового человека средством «призвать к порядку» местные элиты [2, с. 19-20]. При этом нельзя не указать, что голосовавшие таким образом россияне не связывали решение стоящих проблем ни с собственной активностью, ни с возможностью объединения в какую-либо организацию с себе подобными – они считали, что решить их проблемы может лишь сильная власть.

Представляется, что ситуация не изменилась принципиально по сравнению с реалиями начала прошлого десятилетия. Так, общеизвестно, что популярность действующей власти до сих пор очень велика в среде рабочих, жителей малых городов, имеющих скромный достаток, но не бедствующих и зачастую даже имеющих собственный автомобиль [19, с. 13], т.е. массовых носителей традиционной культурной доминанты. Таким образом, действующую власть, равно как и часть «системной оппозиции» в лице КПРФ и ЛДПР, во многом склонны поддерживать (причём стабильно) носители патриархальной доминанты в трудовой деятельности.

Что касается носителей активно-инновационного типа сознания, довольно сложно утверждать однозначно об их политических пристрастиях. С одной стороны, будучи конформистами и умея считать деньги, эти люди хорошо осознают плюсы и минусы своего выбора, а потому склонны поддерживать статус-кво, благо отрицать рост уровня благосостояния в стране за последние 15 лет не приходится. Это обстоятельство в полной мере касается и продвинутой молодёжи. Не случайно социологами отмечалось, что у политически активных студентов сильно развиты мотивы комфорта [4, с. 69]. С другой же стороны, нельзя игнорировать и тот факт, что существенная часть участников протестных акций 2011–2012 гг. выделяли в качестве главных проблем в стране (и, по сути, мотивации своей активности) политические и властные [12, с. 10]. Экономические факторы (что обычно именовалось «снижение уровня жизни») не играли роли для этой группы населения. То есть носители активно-инновационного типа сознания в современной России во многом готовы поддерживать протестное движение, в первую очередь его либеральное крыло.

Отметим, что поддержка либералов носителями активно-инновационного типа сознания связана с наличием у них мышления налогоплательщика. Соглашаясь с А.Я. Рубинштейном, писавшим в своей статье «Социальный либерализм: к вопросу экономической идеологии» о наличии в жизни гражданина двух сред – «рыночной» и «политической», отметим, что в первом случае человек рассуждает с позиций собственной выгоды, во втором – с нормативным пониманием благосостояния общества [17, с. 23]. На практике носитель активно-инновационного типа сознания готов считать, во сколько ему лично обходятся патернализм и великодержавность, являющиеся значимой частью курса нынешней власти, и очень часто приходит к выводу, что обходятся они ему слишком дорого.

Таким образом, по нашему мнению, не следует делать однозначный вывод о совпадении в отечественных реалиях трудовой мотивации и политических предпочтений. Тем не менее имеются основания утверждать о наличии прямой связи между трудовой мотивацией и политическим предпочтениями жителей России. По нашим оценкам, приблизительно 40% вероятность того, что носить пассивно-традиционной доминанты сознания отдаст свой голос на выборах за «Единую Россию» или КПРФ и ЛДПР, тогда как носитель активно-инновационной доминанты во многом склонен в той или иной степени поддержать оппозицию (либералов и умеренных националистов). Цифра в 40

процентов объяснима прежде всего тем, что существенная часть населения игнорирует любые выборы, поэтому судить о её политических пристрастиях возможным не представляется. Также, несмотря на нашу уверенность в том, что носители активно-инновационной доминанты скорее склонны к поддержке оппозиции, нежели партий, ориентированных на традиционные ценности, нельзя не учитывать и конформизм поведения этой части населения – иначе говоря, они могут, скептически относясь к власти, периодически голосовать за неё, поскольку а) не видят ей реальной альтернативы из участвующих в выборах политических сил и б) по причине удовлетворённости своим уровнем благосостояния (пока мне хорошо в плане финансового благополучия – я за власть, которая поспособствовала этому благополучию).

1. Баранов, А.В. Политические ориентации избирателей Краснодарского края в контексте политической культуры (по материалам парламентских выборов) [Текст] / А.В. Баранов // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС (СПб.). 2006. Т. 2. № 2. С. 25–35.

2. Брим, Р. Феномен В. Путина: морфология и семантика массовой популярности [Текст] / Р. Брим, Л. Косова // Мониторинг общественного мнения. 2000. № 3. С. 18–22.

3. Возьмитель, А.А. Образ жизни: от советского к российскому [Текст] / А.А. Возьмитель // Россия реформирующаяся. 2011. № 10. С. 281–302.

4. Григорьев, А.В. Мотивация социальной активности молодёжи [Текст] / А.В. Григорьев // Известия Саратовского университета. 2012. Т. 12. Сер. Философия. Психология. Педагогика. Вып. 3. С. 66–69.

5. Гудков, Л. Условия воспроизводства «советского человека» [Текст] / Л. Гудков // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. 2009. № 2. С. 8–37.

6. Дугин, А.Г. Основы геополитики. Геополитическое будущее России. Мыслить пространством [Текст] / А.Г. Дугин. М.: АРКТОГЕЯ-центр, 1999. 924 с.

7. Зырянов, С.Г. Перспективы развития института выборов в современной России [Текст] / С.Г. Зырянов // Личность. Культура. Общество. 2006. Т. VIII. № 3. С. 153–171.

8. Калугина, З.И. Депривация сельских сообществ в условиях несостоятельности сельскохозяйственных предприятий [Текст] / З.И. Калугина // Регион: Экономика и Социология (Новосибирск). 2007. № 1. С. 186–198.

9. Курбатова, М. Феномен «Единства»: анатомия электорального успеха [Текст] / М. Курбатова // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2000. № 1. С. 27–32.

10. Лаврентьев, С. Новые основания классификации политических партий в современной России [Текст] / С. Лаврентьев // Власть. 2012. № 3. С. 127–131.

11. Лазутина, А.Л. Моделирование эффективной системы мотивации труда: на примере предприятий машиностроения [Текст] / А.Л. Лазутина: автореф. дис. ... канд. экон. наук: 08.00.05. Ижевск, 2007. 23 с.

12. Мамонов, М.В. Протестная активность россиян в 2011–2012 гг.: основные тренды и некоторые закономерности [Текст] / М.В. Мамонов // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2012. № 1 [107]. С. 22.

13.Марченя, П.П. Крестьянство и власть как «две России» [Текст] / П.П. Марченя, С.Ю. Разин // Научно-аналитический журнал Обозреватель – Observer. 2011. Т. 260. № 9. С. 18–25.

14. Михалева, Г.М. Политический потенциал гражданского общества в период президентства В. Путина и Д. Медведева [Текст] / Г.М. Михалева // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС (СПб.). 2011. Т. 7. № 1. С. 82–101.

15. Окара, А.Н. Инновационная модернизация как новая идея для новой России. Выбор модели российского развития – с точки зрения социальной философии [Текст] / А.Н. Окара // Ценности и смыслы. 2009. № 3. С. 38–58.

16. Растимешина, Т.В. Культурное наследие и подданническая политическая культура российского общества [Текст] / Т.В. Растимешина // Власть. 2012. № 2. С. 18–21.

17. Рубинштейн, А.Я. Социальный либерализм: к вопросу экономической методологии [Текст] / А.Я. Рубинштейн // Общественные науки и современность. 2012. № 6. С. 13–34.

18. Рябев, В.В. Гражданское общество и политическая культура современной России: Политико-социологический анализ [Текст] / В.В. Рябев: дис. ... докт.соц. наук: 23.00.02. СПБ., 2005. 363 с.

19. Седов, Л. Поддержка и оппозиция В. Путину [Текст] / Л. Седов // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2001. № 3. С. 12–15.

20. Тихонова, В.А. Политическая культура российского общества: социально-философский аспект [Текст] / В.А. Тихонова: дис. ... докт. филос. наук: 24.00.01. М., 2002. 210 с.

21. Узлов, Ю.А. Социокультурный подход к осмыслению экономической жизни общества [Текст] / Ю.А. Узлов // Общество: социология, психология, педагогика (Краснодар). 2012. № 2. С. 27–33.

22. Ше, С.Г. Артельный подход к организации предпринимательской деятельности [Текст] / С.Г. Ше // Известия Иркутской государственной экономической академии (Байкальский государственный университет экономики и права) (электронный журнал). 2012. № 3. С. 29.

References

1. Baranov A.V. *Politicheskaja expertiza: POLITEX* (SPb.), 2006, T. 2, no. 2, pp. 25-35 (in Russian).

2. Brim R., Kosova L. *Monitoring obschestvennogo mnenija,* 2000, no. 3, pp. 18-22 (in Russian).

3. Vozmitl A.A. *Rossia revormirujuschajasja,* 2011, no. 10, pp. 281–302 (in Russian)

4. Grigoriev A.V. *Izvestija Saratovskogo universiteta,* 2012, T. 12, no 3, pp. 66–69 (in Russian).

5. Gudkov L. *Vestnik obschestvennogo mnenija. Dannye. Analiz. Diskussii,* 2009, no. 2, pp. 8-37 (in Russian).

6. Dugin A.G. *Osnovy geopolitiki. Geopoliticheskoe buduschee Rossii. Myslit prostranstvom* [Basics of geopolitics. Geopolitical future of Russia. To think by means of space]. Moscow, ARKTOGEJA-zentr, 1999, 924 p. (in Russian).

7. Zyrjanov S.G. *Lichnost. Kultura. Obschestvo*, 2006, T. VIII. no. 3, pp. 153–171 (in Russian).

8. Kalugina Z.I. *Region: Ekonomika i Soziologija (Novosibirsk),* 2007, no. 1, pp. 186-198 (in Russian).

9. Kurbatova M. *Monitoring obschestvennogo mnenija: ekonomicheskie I sozialnye peremeny*, 2000, no. 1, pp. 27–32 (in Russian).

10. Lavrentjev S. *Vlast,* 2012, no. 3, pp. 127–131 (in Russian).

11. Lazutina A.L. *Modelirovanie effektivnoj sistemy motivazii truda: na primere predprijatij maschinostroenija* [Model building of effective system of labour motivation: as exemplified by machine builders]. Igevsk, 2007, 23 p. (in Russian).

12. Mamonov M.V. *Monitoring obschestvennogo mnenija: ekonomicheskije i sozialnye peremeny,* 2012, no. 1 [107], pp. 5–22 (in Russian).

13. Marchenja P.P., Razin C.Y. *Nauchno-analiticheskij gurnal Obozrevatel – Observer*, 2011, T. 260, no. 9, pp. 18–25 (in Russian).

14. Mikhaleva G.M. *Politicheskaja expertiza: POLITEX* (SPb.), 2011, T. 7, no. 1, pp. 82–101 (in Russian).

15. Okara A.N. *Zennosti I smysly,* 2009, no. 3, pp. 38–58 (in Russian).

16. Rastimeschina T.V. *Vlast,* 2012, no. 2, pp. 18–21 (in Russian).

17. Rubinstein A.J. *Obschestvennye nauki I sovremennost,* 2012, no. 6, pp. 13–34 (in Russian).

18. Rjabev V.V. *Gragdanskoe obschestvo I politicheskaya kultura sovremennoi Rossii: Politiko-soziologicheskij analiz* [Civil society and political culture of modern Russia: political and sociological analysis]. St.Petersburg, 2005, 363 p. (in Russian).

19. Sedov L. *Monitoring obschestvennogo mnenija: ekonomicheskie I sozialnie peremeny*, 2001, no. 3, pp. 12–15 (in Russian).

20. Tikhonova V.A. *Politicheskaya kultura rossijskogo obschestva: Sozialno-philosophsky aspect* [Political culture of Russian society: social and philosophic aspect]. Moscow, 2002, 210 p. (in Russian).

21. Uzlov Y.A. *Obschestvo: soziologia, psihologija, pedagoika* (Krasnodar), 2012, no. 2, pp. 27–33 (in Russian).

22. Sche S.G. *Izvestja Irkutskoj gosudarstvennoj ekonomicheskoj akademii* (Baikalsky gosudarstvenny universitet ekonomiki I prava (elektronny gurnal), 2012, no. 3, p. 29 (in Russian).

UDC 323.1

ON THE CORRELATION BETWEEN WORKING AND POLITICAL MOTIVATION IN MODERN RUSSIA

Lazutina Antonina Lleonardovna,
Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor,
Nizhny Novgorod, Russia.
E-mail: lal74@bk.ru

Leushkin Denis Vyacheslavovich,
Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Candidate of Political Sciences, Associate Professor,
Nizhny Novgorod, Russia.
E-mail: dleush@rambler.ru

Polusmak Tatyana Lvovna,
Moscow Witte University, branch of Nizhny Novgorod, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor,
Nizhny Novgorod, Russia.
E-mail: polusmak.tat@yandex.ru

Simonov Alexey Leonidovich,
Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor,
Nizhny Novgorod, Russia.
E-mail: alsimonov@gmail.com

Fomenkov Artem Aleksandrovich,
Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor,
Nizhny Novgorod, Russia.
E-mail: artjom2310@mail.ru

Annotation
The article considers the matter of correlation between behavior motivations of Russians – working and political. An idea about the existence of two keynotes in the perception of Russians – passive-traditional and active-innovative is put into the basis of our research; we also considered the classification of political culture deep rooted in political science. The authors point out peculiarities of interrelation between a traditional keynote of consciousness and humble political culture and also between an active-innovative keynote and the culture of participation (participatory culture).

Key concepts:
Motivation, political culture, keynote, political parties, voting.